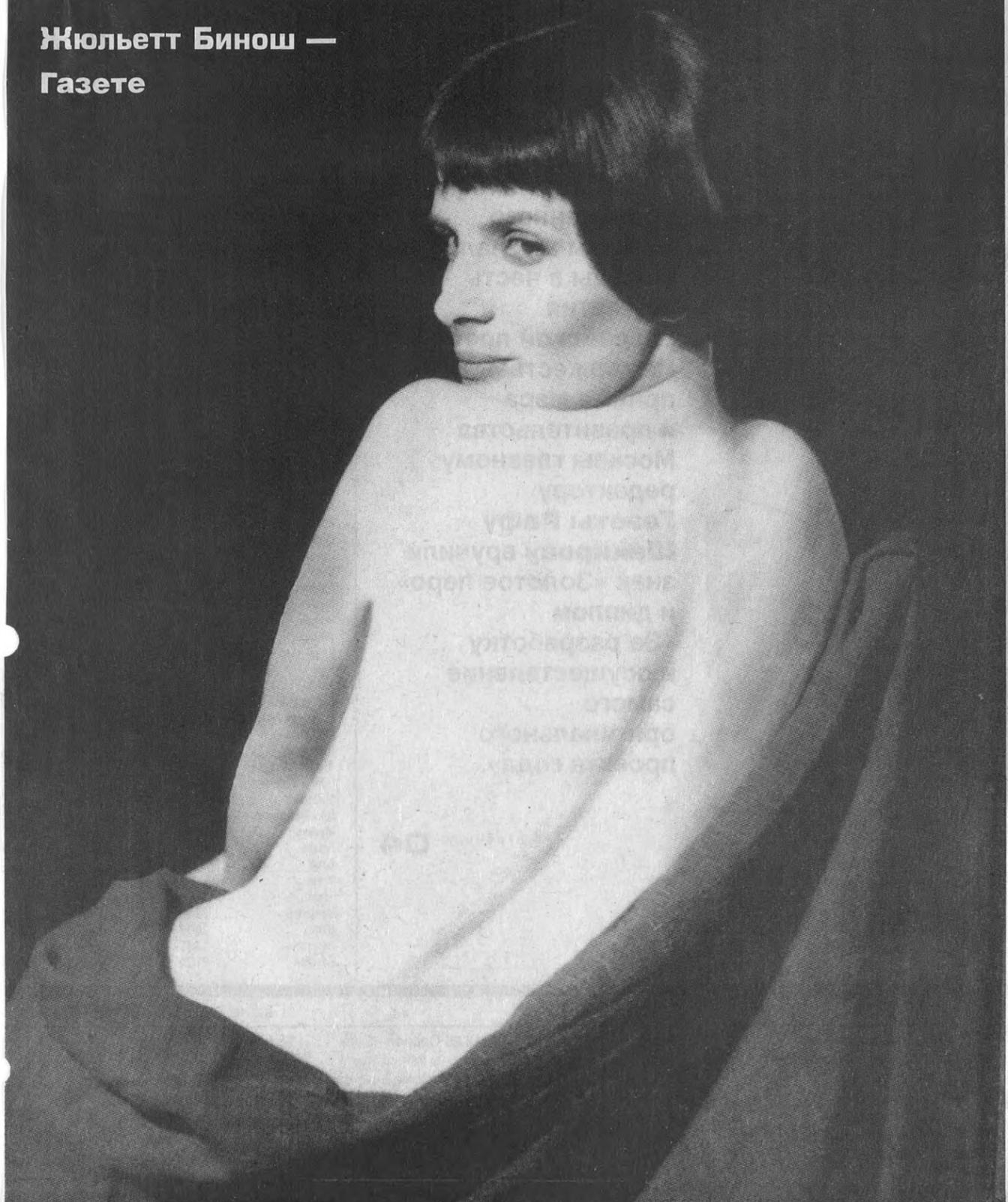

**Жюльетт Бинош —
Газете**

“за меня говорит мое тело”

Жюльетт Бинош: «Когда я читаю сценарий или когда со мной говорят о новом проекте, я испытываю желание или нет. Это как любовь» Фотограф: Марион Сталенс (Sygma для Paris Match)

Окончание. Начало на странице 01

Можете ли вы попытаться определить, в чем вы похожи на других французских актрис — например Изабель Юппер — и чем отличаетесь от них?

Я очень уважаю других французских актрис, но есть ли у нас что-то общее... я не уверена. Нет, не думаю. У каждой своя дорога. Изабель, например, вынуждена постоянно превозмогать саму себя, что у нее получается не всегда. Но иногда она творит настоящие чудеса.

Сегодня вы международная звезда, знаменитость, другие учатся на ваших фильмах. А какие фильмы оказали влияние на вас, когда вы начинали свою карьеру в кинематографе?

Никакие. На меня повлиял исключительно театр. Кино я открыла для себя гораздо позже.

Изнутри, работая в кино?

Не только: начав сниматься, я стала больше смотреть кино.

От чего зависит, нравится вам фильм или нет?

Жанр для меня не имеет значения. Если это правдиво, значит, это хорошо. Если фильм меня затронул, это хороший фильм. Предпочтений у меня нет, хотя, естественно, бульварные жанры меня не занимают.

У вас есть любимый фильм из всех тех, в которых вы снимались?

Совсем недавно я пересмотрела их все во время специальной ретроспективы, которая проходила в Ля Рошели. Среди французских фильмов мне дороже всего «Три цвета. Синий» Кеслевского, а также «Рандеву» Андре Тешине и «Любовники Пон-Неф» Леоса Каракса. Из англоязычных — «Английский пациент». Эти фильмы мне ближе других.

А если все-таки выбрать один-единственный? (После долгого молчания) «Три цвета. Синий».

Наверняка вам предлагали роли, от которых вы отказались, а потом жалели об этом?

Нет. Если фильм получился действительно хорошим, я чувствую облегчение, говорю себе: «Слава Богу, они сделали это без меня» (смеется). Я уважаю любую хорошо сделанную работу, мне нравится смотреть хорошие фильмы. Напротив, если я смотрю плохо сделанный фильм, в котором я могла бы сниматься, то чувствую себя как-то неуютно.

А роль, в которой вы хотели бы сняться, у вас есть?

Думаю, что магия актерской профессии в том, чтобы желать, не желая ничего конкретного. Оставаться максимально открытой и принимать то, что придет к вам само. Мне, правда, доставляет особое удовольствие сниматься в ролях, которые были специально написаны для меня. С другой стороны,

некоторые проекты не состоялись, и я все жду... А годы проходят, и, быть может, я просто выйду из необходимого для роли возраста. Впрочем, я верю в вечную жизнь.

Это рискованно или, напротив, легко — сниматься в комедии о любви?

Быть смешной и получать удовольствие от этого — редкая возможность. Когда я прочитала сценарий, я, кстати, даже не могла предположить, что в результате получится лирическая комедия. Для меня это история мужчины и женщины, чьи траектории случайно пересеклись, и в этом есть что-то очень реальное, жизненное. Их реплики вполне возможны в устах каждого из нас, они вытекают из повседневного опыта. Конечно, как в романтической комедии, здесь все немного идеализировано, но так происходит и в любви: ты веришь, что все возможно, что любовь бесконечна и что вы проживете вместе всю жизнь, что у вас будет много детей. Это иллюзия, но, когда ты влюблен, ты в нее веришь. Влюбленная женщина всегда похожа на героиню романтической комедии.

Часто ли вы следуете интуиции, когда выбираете роль и думаете о том, как над ней работать?

За меня говорит мое тело. Когда я читаю сценарий или когда со мной говорят о новом проекте, я испытываю желание или нет. Это как любовь — ты любишь или не любишь, но не можешь сказать сам себе: «С одной стороны, хорошо бы полюбиться, с другой, может, и не следовало

бы...» Нет, только не это. Решение принимает тело, и это, разумеется, процесс интуитивный.

А потом, на съемочной площадке, что-то меняется?

Иногда хорошие сюрпризы, иногда плохие! О хороших вы знаете не хуже меня.

Вы едете сниматься в США, потому что там предлагают большие гонорары — больше, чем в Европе?

Вовсе нет. Я вообще не делаю это ради денег, а все мои гонорары примерно одинаковы. В театре тем более не играют ради заработка, никогда. Из меркантильных соображений я в кино не снимаюсь. Ради денег я снимаюсь в рекламных роликах, но не в фильмах. В этом году у меня был перерыв в съемках, и ради заработка я согласилась на рекламу в Италии. Сниматься в кино, не имея благородных побуждений... Меня от одной этой идеи тошнит.

Так значит, для вас кино — не способ заработка, а нечто более серьезное?

Это не заработок, это выбор. Кино — странная штука. Оно может быть последним из искусств, даже вовсе не искусством, а может преобразовать окружающий мир и людей, которые в нем живут. Я требую от кинематографа максимума.

Вы действительно верите в то, что кино может кого-то изменить?

Это моя мечта, мечта с детства — изменить мир при помощи кино. Мой следующий фильм — именно об этом. Это документальная история, поставленная по мотивам книги «Страна моего черепа». Режиссером будет Джон Бурман, я играю журналистку из Африки, а Самуэль Л. Джексон — американского журналиста. Съемки начнутся в марте.

Конечно, в буквальном смысле изменить мир фильм не может, но он может говорить на темы, которые до сих пор замалчивались. Начав разговор, ты делаешь первый шаг к изменению реальности. Сегодня это необходимо. Мир находится на грани взрыва и исчезновения, и, не найдя возможности диалога, мы погибнем.

Вам больше нравится сниматься в сложных авторских фильмах, подобных «Три цвета. Синий» Кшиштофа Кеслевского и «Код неизвестен» Михаэля Ханеке, или вы предпочитаете фильмы для широкой аудитории, вроде «Истории любви»?

Я перестала отделять одно от другого. Я берусь за новый жанр, для меня это новый опыт. Внутренний конфликт между мужской и женской может быть не менее важным, чем разговор о трусости или о расовой нетерпимости, о которых говорилось в фильме Михаэля. Я не делаю разделения. Бюджет фильма не имеет значения, это все моя профессия. Реклама — да, это совсем другое дело. А в кинематографе иерархии нет. Одни фильмы трогают больше, чем другие, но я поражаюсь разнообразию эмоций, которые вызывают у зрителей различные мои фильмы.

Правда относительна, она зависит от оценки стороннего наблюдателя, а не от меня. Кстати, когда я закончила сниматься в «Шоколаде», почувствовала себя неуютно и долго утешалась тем, что таков жанр семейной комедии. Дошло до того, что я чувствовала вину перед своими соотечественниками, поскольку, в отличие от Америки, во Франции фильм прошел плохо. Но, когда я увидела, какое впечатление «Шоколад» произвел на некоторых моих знакомых, я поняла, что ошибалась.

Я отказываюсь от своих суждений в зависимости от мнения тех, кто меня окружает.

Были ли в вашей карьере режиссер, который вас научил чему-то по-настоящему важному?

Чему? Тому, как играть? Но это невозможно. У режиссера нет времени учить актера. Он выбирает актера, потому что тот умеет играть. А потом происходит их встреча на площадке. Режиссер хочет получить от актера что-то свое, но времени на упреждения во время съемок у них нет. Впрочем, могу назвать режиссера, который в наибольшей степени помог мне преодолеть устоявшийся образ: это Энтони Мингелла.

У ваших персонажей есть что-то общее, как вам кажется?

Перед тем как отправиться на фестиваль моих фильмов в Ля Рошель, я думала, что все мои персонажи могли бы быть сестрами. Но, когда я посмотрела сами фильмы, поняла, что была не права.

Я играла все время разных, абсолютно разных женщин, живущих в разных вселенных. Думая об этом, надо учитывать и режиссера, у которого с актером устанавливается особая связь. Да что там режиссер — важен каждый техник. Хотя вряд ли можно назвать техником, например, звукорежиссера: он художник, он выбирает звук и работает, как музыкант. И ведь да-

же с одним и тем же режиссером можно сделать совершенно различные фильмы! Сравните «Дурную кровь» и «Любовников Пон-Неф» Каракса или «Рандеву» и «Алису и Мартину» Тешине и поймете, о чем я говорю. И актер, и режиссер принадлежат конкретному моменту, в который они снимают фильм, а потом проходит время, и все меняется.

Когда вы даете интервью, каково соотношение правды и вымысла?

Если я берусь отвечать на вопрос, я на него отвечаю. Искажать факты я не собираюсь, я вам не Фанни Ардан. Нет, правда, она известна тем, что любит рассказывать истории. Конечно, мою личную жизнь лучше не затрагивать: если это происходит, я попросту меняю тему.

Вот нечто вроде личного вопроса: часто, в последний раз — в «Истории любви», вы появляетесь в своих фильмах в воде, плавая в бассейне. Почему?

Больше не увидите, я себе этого больше не позволю (смеется). Да, я люблю воду... Не знаю, что тут еще можно сказать.

У вас находится свободное время между съемками и репетициями в театре?

Один год не похож на другой. Мой последний фильм, «Историю любви», я закончила в начале прошлого года. Значит, в течение целого года я вообще не снималась. Подождите, я попытаюсь вспомнить. Я снималась в «Шоколаде», потом уехала в Нью-Йорк играть в театре пьесу Гарольда Пинтера, потом я... что было потом? Господи, вот как оно происходит, я ничего уже не помню. Ужасно.

Вы француженка, а французы очень гордятся своей культурой и своим языком. Каково вам сниматься в англоязычных фильмах?

С английским мне свободнее, легче. Это язык, который я выбрала сама. Иногда думаю: почему же я родилась не в Штатах, не в Англии? Жилось бы мне куда проще. Во время съемок на английском я и думать начинаю по-английски. Правда, иногда невозможно найти эквивалент французского выражения на английском. И наоборот.

Вы много читаете?

Мой друг читает все современные романы, он держит меня в курсе и рассказывает, что надо не пропустить. Я же сама чаще читаю книги, так или иначе связанные с тем, что я делаю в кино. Правда, в моей жизни были периоды, когда я читала очень-очень много. Будучи подростком, я прочитала всего Бальзака. Обожаю Жорж Санд — невероятная женщина, она писала, как другие готовят у себя на кухне! Сейчас же читаю много об Африке, готовлюсь к съемкам.

Раньше вы увлекались живописью, рисовали. Это осталось в прошлом?

Да, сейчас я этим больше не занимаюсь. Хотя желание рисовать меня не оставило.

Даже по воскресеньям времени не находится?

По воскресеньям особенно трудно. В эти дни нет ни уборщицы, ни няни, и я одна дома занимаюсь детьми, сама хожу по магазинам и так далее.

А с детьми рисуете?

Разумеется. Они сами учатся рисовать, без кистей — прямо руками. В конце концов, это же мои дети.

Чему вы еще учите детей?

Жить рядом с детьми — лучший способ что-либо дать им. Но надо быть очень осторожным, чтобы ничего не сломать в них. Впрочем, меня утешает, что двое моих детей — очень разные. Я вообще не верю в воспитание детей, надо передавать им свой опыт естественным путем.

Семья не мешает профессии?

Раз я сделала выбор — иметь детей и воспитывать их, я вынуждена этому следовать. Времени остается мало. Ночью сплю помалу — максимум шесть-семь часов. Оставалось бы немного времени днем, я бы наверняка еще чем-то занялась. Чем-нибудь новым.

А как ваша семья оценивает то, что вы делаете на экране?

Моя мать настроена весьма критично по отношению ко всему, что я делаю, и это серьезная проблема. Опасная территория, сейчас я буду менять тему разговора (смеется). Зато мой отец всегда доволен всем, что бы я ни сделала.

Под конец еще один личный вопрос. Ваша героиня в «Истории любви» находится между двумя мужчинами и не в состоянии выбрать одного из них. Для вас самой такая ситуация могла бы стать реальной?

Жить с двумя мужчинами? Это очень сложно. Лично для меня — невозможно. Настоящий ад. Не дай мне Бог такого ужаса.